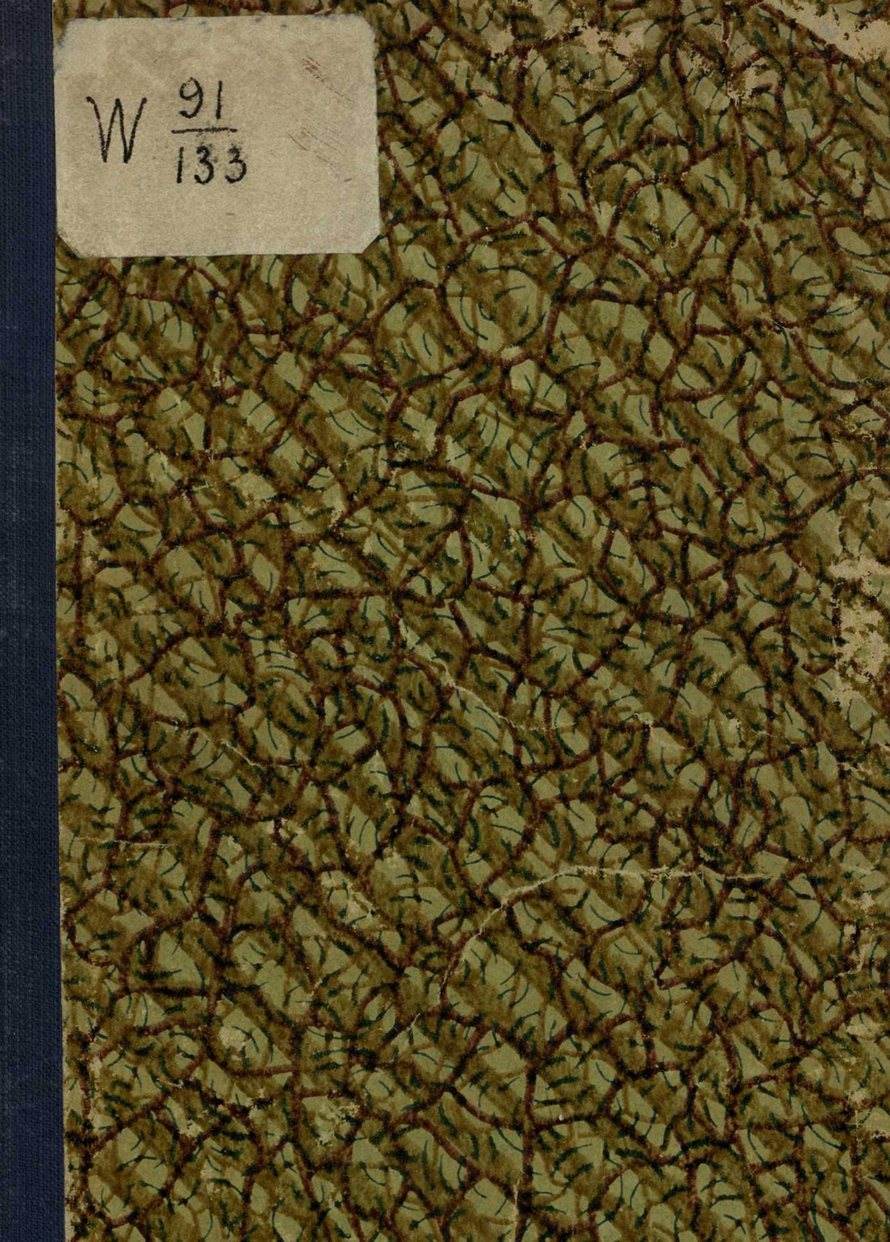

W 91/133

ТИТ ПЕТРОНИЙ

АРБИТР

МАТРОНА ИЗ ЭФЕСА

перевод с латинского,

послесловие и примечания Г. И. ГИДОНИ,

с предисловием Н. С. ГУМИЛЕВА

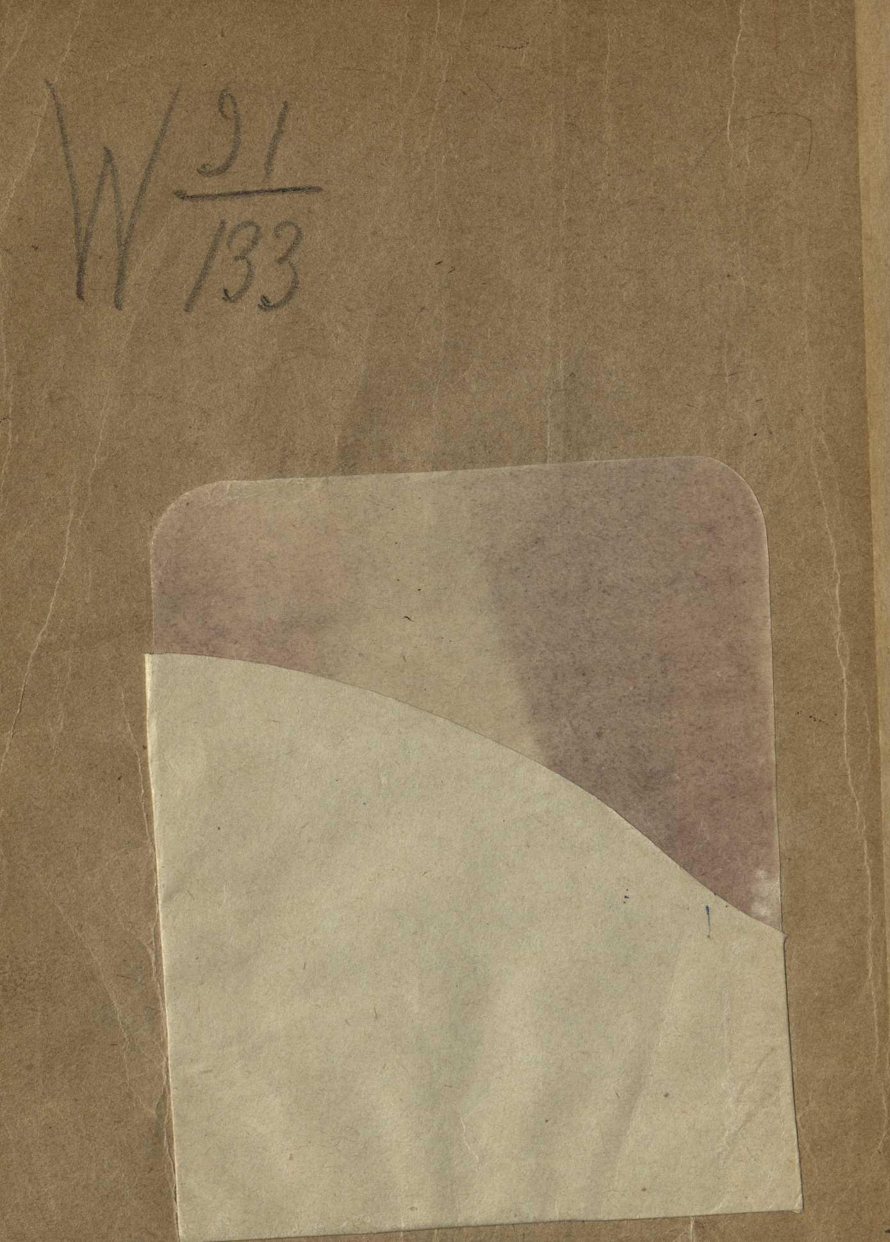
и

с 12-ти гравюрами на дереве Григория Гидони.

ПЕТРОГРАД

1923.

W 91/133

Тит Петроний

арбитр

МАТРОНА из ЭФЕСА.

«Матрона из Эфеса» издана Г. И. Гидони в количестве 550 экземпляров, из коих первые:

25—именные, на бумаге Van Gelder и
125—нумерованные на бумаге высшего качества—
раскрашены от руки и снабжены подписью издателя.

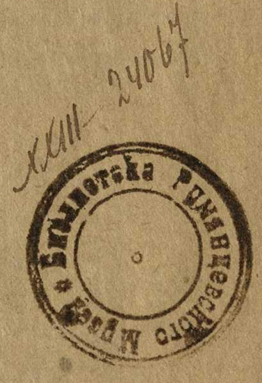
ТИТ ПЕТРОНИЙ

АРБИТР

МАТРОНА ИЗ ЭФЕСА

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО,
ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ Г. И. ГИДОНИ,
С ПРЕДИСЛОВИЕМ Н. С. ГУМИЛЕВА
И
С 12-ТИ ГРАВЮРАМИ НА ДЕРЕВЕ ГРИГОРИЯ ГИДОНИ.

ПЕТРОГРАД
1923.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1949 г. 8
1						А	58/1351	

78

ПРЕДИСЛОВИЕ.

От Сарданапала, через Алкивиада, Боэмунда Тарентского, Букингама вплоть до Джорджа Брюммеля — какая удивительная цепь людей-поэм, не творцов, а произведений искусства. Сколько их красивших себе рот, полировавших ногти, изучая в то же время недоступную смертным науку быть всегда естественно прекрасными. С какой забавной точностью соответствуют они другой цепи, подвижников и аскетов, от Будда до Серафима Саровского. Как те о своем духовном совершенстве, эти заботились о внешнем. И их подвиг не напрасен, их слава не умрет. Об этом позаботятся и божественный Платон и Тацит, и Барбэ д'Оревильи.

Среди этих попугаев человеческого зверинца арбитр изящества Петроний занимает едва-ли не первое место. У него есть то, чего не хватало его предшественникам и преемникам — голос, проходящий сквозь века. В его словах разгадка и его и всей его породы. Не ищите в них ни дивных откровений, ни лирического порыва. Он просто умен и холоден, рассматривает жизнь, держа ее на весу, как не слишком драгоценный кубок. Автор Сатирикона, он сделался классиком. Но я люблю Матрону из Эфеса, даже не вполне достоверный, стилистический пустячек. Какой хохочущий юноша, какой ухмыляющийся старик рассказал арбитру эту гадкую, но забавную сплетню. И почему, вместо того, чтобы с ними поглумиться над несчастной, он взялся за восковые дощечки, позабыв на час любимый Сатирикон? Ответ ясен. Гонитель вульгарных вольноотпущенников и самого Нерона, он почуял более благородную дичь. Женщина в высшем напряжении ее духовных сил, любящая и героическая— если ее развенчать, то действительно можно читать Эврипида, любуясь лишь оборотами речи, смотреть

на статую Андромахи, ценя лишь волнообразность линий. В этот день суровый Рим победил патетическую Грецию. И как странно! Впервые возвысил голос пессимистический реализм Мопассана.

Н. С. Гумилев.

Тит Петроний Арбитр.

МАТРОНА ИЗ ЭФЕСА.

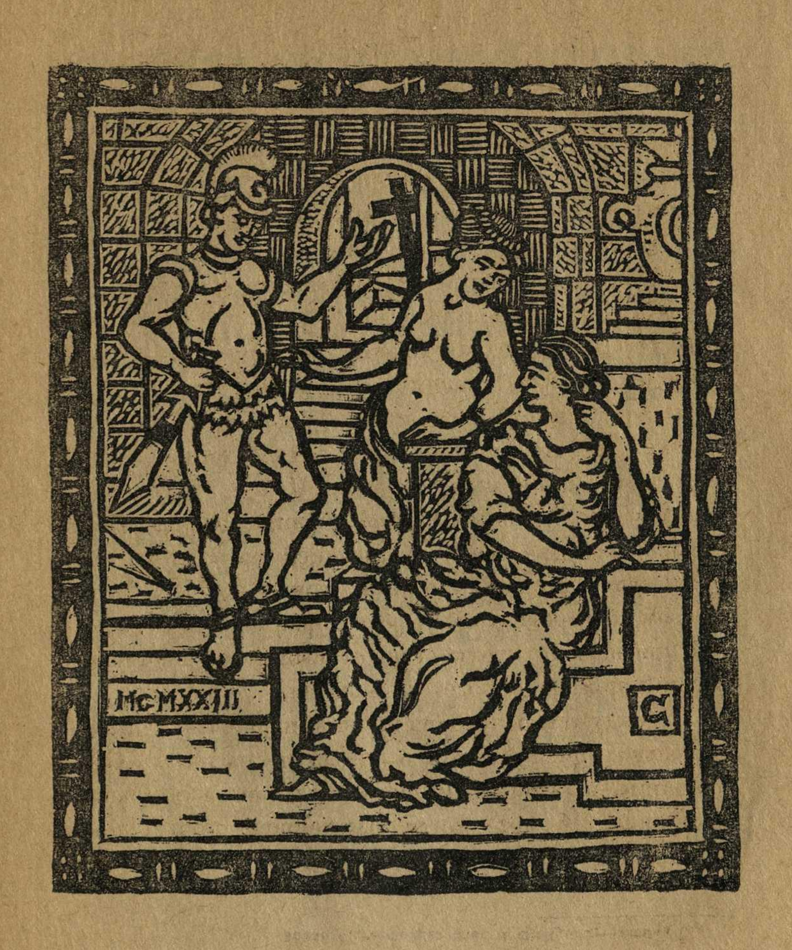
екая матрона в Эфесе*) настолько отличалась добродетелью, что была примером для женщин соседних народов. Когда скончался ее муж, она не ограничилась ни тем, что проводила его бренные

*) Город в Ионии, известный своим храмом в честь богини Дианы.

останки с распущенными, согласно обычаю, волосами, ни тем, что била себя в обнаженную грудь на виду у толпы, но последовала за покойником в погребальный склеп, чтобы днем и ночью охранять и оплакивать труп, помещенный по греческому обычаю в гипогее.**) Ни родственники, ни близкие не могли утешить ее, горько отчаявавшуюся и, благодаря отказу от пищи, близкую к смерти. Под конец, даже должностные лица, ничего не добившись удалились. Так, оплакиваемая всеми, матрона уже пятый день — случай небывалый—проводила без пищи. При ней находилась лишь глубоко преданная ей прислужница, одновременно, и делившая горе своей страдающей госпожи, и поддерживавшая по мере угасания огонь в склепе. Таким образом, в городе ходили разговоры, и люди всех званий признавали, что поступком своим матрона явила высший пример добродетели и любви.

Между тем начальник провинции повелел распять нескольких преступников, и поместить распятых возле гробницы, в которой матрона оплакивала недавнего покойника. И вот, когда ближайшей ночью воин, охранявший кресты, дабы кто-либо не похитил тела

**) Гипогей—гробница в роде саркофага у греков.

MCMXXII
G

ради погребения, заметил более яркий свет между гробниц, и услышал стоны плачущей—по свойственной человеку слабости он захотел узнать, что такое происходит в склепе. Спустившись в гробницу, и увидя прекраснейшую женщину, воин сначала остановился, словно испуганный чудовищем, или видением ада, а потом, заметив тело покойного, разглядев слезы и истерзанное ногтями лицо, и решив — как это было и на самом деле,—что женщина не в состоянии перенести тоски по покойном — он перенес в склеп свою трапезу, и начал увещевать плачущую, прося ее не отчаяваться чрезмерно, не изводить себя напрасно, говоря ей, что все сущее происходит из праха, и возвращается туда же, и тому подобное, с помощью чего обычно обращают к благоразумию помраченные умы. Матрона же, растроганная незнакомым утешителем, еще яростнее стала терзать свою грудь, и окутала растрепанными волосами тело покойного. Не отступил однако воин, но подобными же уговорами стал склонять женщину принять пищу до тех пор, пока прислужница, соблазненная, очевидно, запахом вина, не протянула сначала сама побежденную руку к человечности приглашавшего, а затем, наевшись и напившись, не стала склонять к тому же и свою госпожу, говоря

ей: какая польза тебе будет от того, что ты умрешь от голода, или заживо похоронишь себя, или прежде, чем суждено судьбою испустишь невинно дух?

Иль полагаешь, что прах погребенных тревожится этим? *)

Хочешь воскреснуть? Хочешь, отбросив женское заблуждение насладиться сколько позволено жизнью? Ведь само тело погибшего должно внушать тебе желание жить!

Никто не противится уговорам принять пищу, или продолжить жизнь; так и матрона, изнуренная воздержанием нескольких дней, позволила сломить свое сопротивление, и поела не с меньшею жадностью, чем уже ранее побежденная прислужница.

Впрочем вы знаете, чем большею частью возможно соблазнить человеческую пресыщенность. Теми же льстивыми уверениями, которыми воин внушил матроне желание жить, он поколебал и ее добродетель. И в то время как прислужница, уговаривая свою госпожу, твердила ей:

Разве с желанной поспоришь любовью, **).
Подумай—чего ради сидишь ты здесь?

---

*) Энеида, I, IV, с. 34 пер, А. Фета.

**) Энеида, I, IV, с. 38.

MCMXVII

юноша начинал казаться матроне и прекрасным и красноречивым. Но что же я медлю?—разве воин—победитель внушал матроне, чтобы она воздержалась в чем либо. И вот возлегли они, и не только в ту ночь, когда заключили брак, но и на следующий, а также и на третий день пробыли они вместе, заперев, правда, двери, ведущие в склеп, дабы, в случае если-бы к зданию подошел кто нибудь из знакомых, или незнакомых, он решил, что добродетельнейшая супруга испустила дух над телом мужа. Впрочем насладившийся воин и явно и тайком покупал все, что можно было из с'естного и ближайшей же ночью приносил в склеп. Между тем родственники одного из распятых, заметив отсутствие стражи, ночью сняли с креста труп повешенного и предали его погребению.

Когда воин, обойденный за время своего отсутствия, увидел на следующий день, что на одном кресте нет трупа—боясь наказания, он изложил прибежавшей матроне все, что случилось и сказал: что, не надеясь на приговор судей, он сам мечем воздаст должное своему поступку и пусть приготовит она ему, обреченному на смерть, гробницу в том же роковом склепе, где похоронен ее муж.

Но матрона, не менее добродетельная, чем сострадательная сказала: „Да не позволят мне боги увидеть одновременно гибель двух наиболее дорогих мне — людей! Лучше повесить мертвого, чем убить живого, — сказав это, она велит вынуть из гроба тело мужа и распять его на освободившемся кресте. Воин воспользовался остроумным советом глубоко предусмотрительной женщины: народ же на следующий день недоумевал, каким образом покойник оказался прикрепленным к кресту.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

усть приговор не вынесен еще, пусть перед судом филологов и эрудитов по прежнему оспаривает лавры авторства „Матроны“ Апулей — наш голос восхищения мы отдаем тому, кто в век усталого разврата пронес красоту в холодной насмешке над жизнью, сам сотворив легенду об авторе Сатирикона, пусть авторе предполагаемом:— поэте большом, несомненно, в своем эпическом фрагменте о „Гражданских войнах“, стилисте непревзойденном — в „Пире Трималхиона“, и глубоком философе под личиной законодателя моды, судьи, „арбитра всех изяществ“.

Из Истории Тацита через средневековые манускрипты пройти к мемуарам XVIII века, и неокончен-

ным повестям замыслам Пушкина — удел не частый для литературного произведения, даже когда оно называется Сатириконом.

Но недаром в безчисленных изданиях: — венецианские in quarto Bernardin de Vitalibus'a, 1449 гг., лейпцигские I. Thanner'a 1500 г.г., падуанские P. Petit 1664 гг.,— это главные, не говоря уже об апокрифических изданиях Fr. Naudot и образцовом амстердамском так называемом издании Variorum (Amsterdam 1677 in 8), недаром этот изумительный роман—памфлет почти мгновенно обежал всю Европу Средневековья; недаром одна небольшая ничтожная глава его—„Матрона" в продолжении века не сходила с подмостков Французской Комедии, причудливо, правда меняя свой облик, но постоянно—пятиактная ли трагикомедия, одноактная ли комическая опера,—всегда покоряя сердца зрителей.

„На празднике жизни чего-то не хватало бы, если бы мир был населен лишь фанатичными иконоборцами и тяжелыми однодумами" — в этих словах

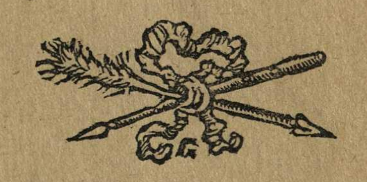
Ренана о Сатириконе дана лучшая оценка романа, и мы уверены, что одна из наиболее ярких страниц Сатирикона, „Матрона из Эфеса“,— эта блестящая, в своей замкнутой остроте почти по современному, по экспрессионистки выразительная сатира, и в наш век найдет своего тонкого и любящего читателя.

Г. И. Гидони.

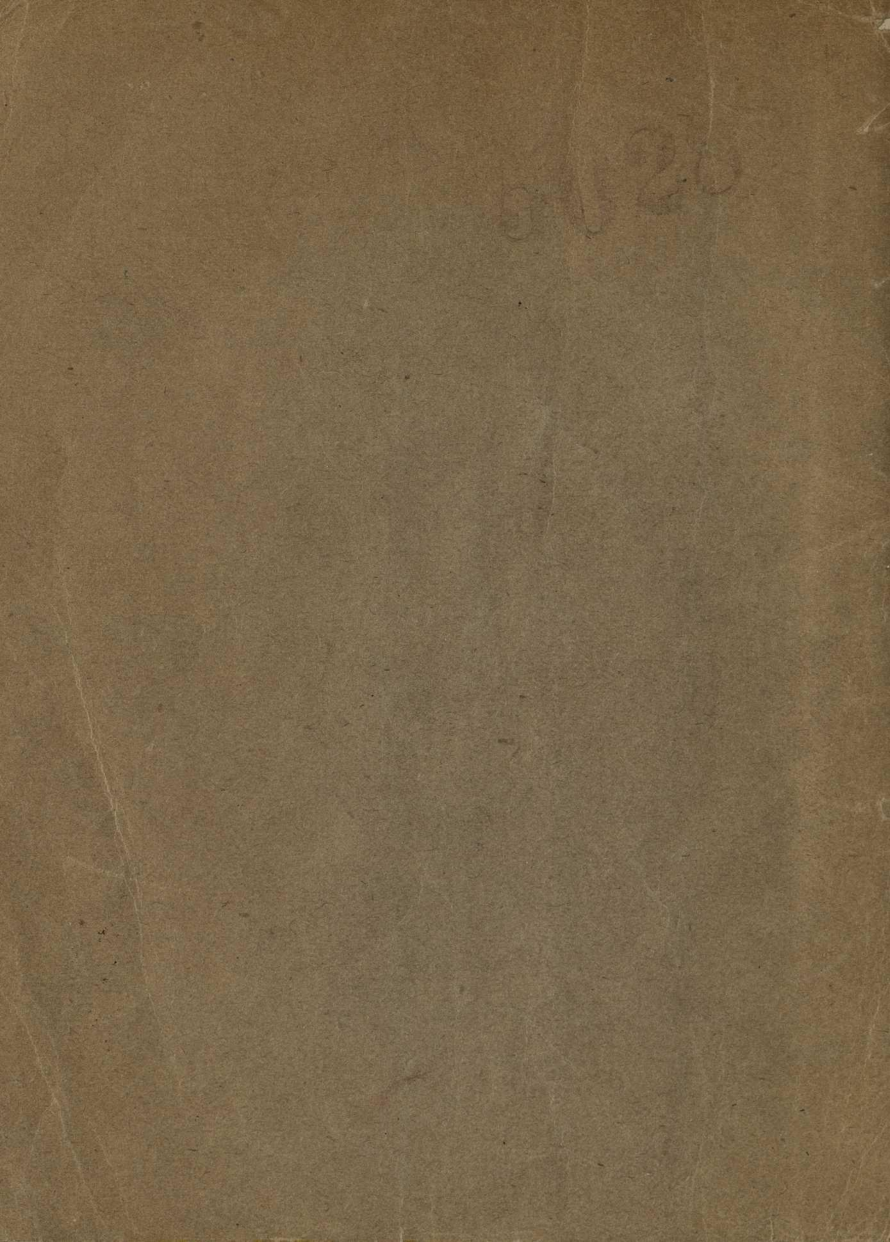

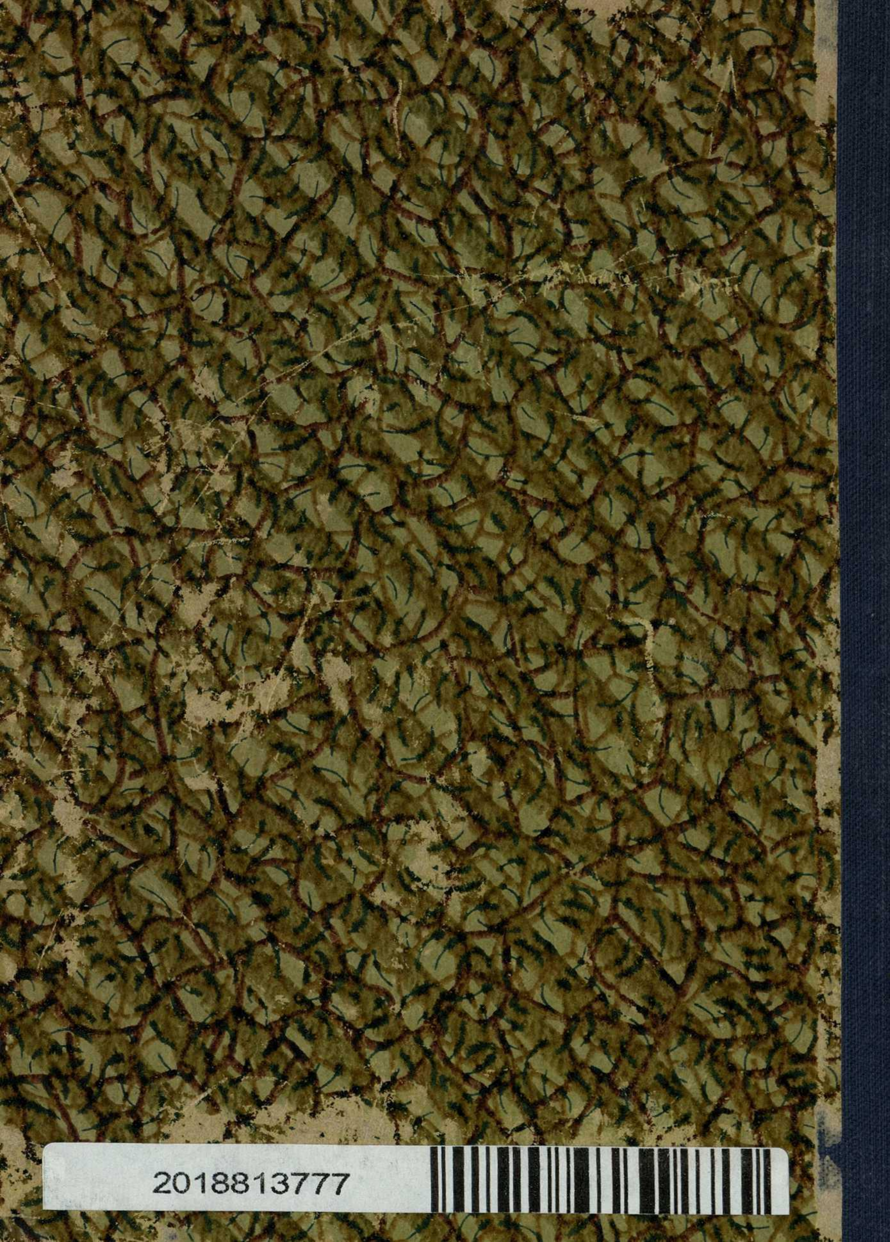
Петрооблит № 2135. 550 экз.

Иллюстрации и книжные украшения — оригинальные гравюры на дереве
по рисункам и работы Григория Гидони.
Перевод сделан им же с латинского текста амстердамского издания S. Wolters—1688 г. и парижского издания Ant. Aug. Renouard—1796 г.
Гравюры резаны на грабе и груше.

ОТПЕЧАТАНО
В ГОС. ТИП. АРЕНД. Б. Я. АВИДОН.
ОКТЯБРЬ—1923.

2018813777